

ЛИНГВИСТИКА

Р. С. АЛИКАЕВ

(Кабардино-Балкарский государственный университет)

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА В РАННЕМ НЕМЕЦКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ (сравнительный аспект)

Размышления о родном языке в Германии на протяжении всей второй половины XVII в. тесно связаны с проблемами развития немецкого общества, культуры и нации, сам же язык, по мнению немецкого лингвиста Й. Дюннингера, остается самой злободневной темой обсуждения в различных слоях общества (*das große Thema des XVII. Jahrhunderts aber heißt "Sprache"*) [Dünninger 1957: 104]. Актуальными проблемы языка остаются и на протяжении всего XVIII столетия.

Особый импульс размышлениям о языке в направлении описания его состояния и оценки его функциональных возможностей, путей его обогащения и унификации придают представители раннего немецкого Просвещения Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), Христиан Томазиус (1655—1728) и Христиан фон Вольф (1679—1754). Именно с их именами связана попытка системного оформления лингвофилософской концепции языка в эпоху раннего Просвещения, отражающей его структурно-содержательные особенности, общественное назначение и функциональные возможности, а также пути внедрения родного языка во все сферы жизнедеятельности немецкого общества и стратегии унификации и нормирования языка.

Необходимо отметить, что лингвофилософская концепция языка в трудах названных представителей раннего немецкого Просвещения оформляется в виде критики языка как особой формы выражения языкового сознания, превращаясь в конечном итоге в своего рода теорию языка, хотя, как известно, она как университетская дисциплина еще не состоялась. Критика языка и наука о языке не противопоставлены друг другу, критическое осмысление фактов языка в этот период функционирует как метод описания, анализа и оценки языковых фактов. Следует подчеркнуть, что целью критической рецепции языка является обеспечение функциональности родного языка как инструмента внутринациональной коммуникации и по-

стоянная его детекция на правильность и уместность используемых структур и форм. Что же касается лингвофилософской концепции языка, то и она находится в исследуемую эпоху в процессе становления, особо акцентируя свое внимание на оценке языковых фактов на основе новой просветительской философии и теории познания, науки об обществе, логики и этики.

Теоретическую основу философской концепции языка в рассматриваемую эпоху создает Готфрид Вильгельм Лейбниц, признанный энциклопедист, которому удалось синтезировать основные философские идеи эпохи и указать перспективные направления дальнейшего развития, что нашло свое отражение в его трудах по логике, новой методологии познания и новой системе научных понятий. Являясь общепризнанной главой философии раннего Просвещения, Лейбниц в своих работах поднимает также огромный круг вопросов, основными из которых являются взаимоотношение языка и мышления, проблемы создания универсального искусственного философского языка, происхождение и родство языков и наций, сравнение языков и попытка их генетической классификации, составление словаря немецкого языка, изучение языков различных социальных групп, указание на источники обогащения функциональных возможностей немецкого языка и т. д.

Уже в ранней работе “*De optima philosophi dictione*” («О лучшей философской манере письма», написана в 1670 г.) Лейбниц довольно последовательно излагает свое видение научного языка философии на основе народного языка для передачи философских знаний. Он подчеркивает следующие преимущества образцового философского языка итальянского гуманиста Мариуса Ниццолиуса, которые противопоставляются высокопарности, вычурности и метафоричности языка тогдашней поэзии и риторики: естественная манера выражения (“*natürliche Methode des Sprechens*”), избегание «перекручивания и прикрас» (“*von aller Verdrehung und Schminke frei*”), народность и понятность, взят из обычной жизни и соответствует самим вещам, своим светом поддерживает память (“*leicht verständlich und volkstümlich, aus dem gemeinen Leben genommen und den Gegenständen angemessen, die durch ihr Licht das Gedächtnis unterstützt*”) [Leibniz 1903: 3].

Лейбниц утверждает, что Ниццолиусу удалось реализовать многократно обсуждавшийся и сформулированный до него идеал философского языка, основными свойствами которого являются ясность (“*Klarheit*” — “*claritas*”), истинность (“*Wahrheit*” — “*veritas*”) и элегантность формы выражения (“*die schöne Form*” — “*elegantia*”), которым у него соответствуют понятия “*Reichtum*” (богатство), “*Reinigkeit*” (чистота) и “*Glanz*” (блеск): “*drei Dinge scheinen mir im allgemeinen an der Sprache lobenswert zu sein: Klarheit [claritas], Wahrheit [veritas] und die schöne Form [elegantia]*” [Leibniz 1903,3]. Язык же он определяет как сумму слов (“*Summe von Worten*“), его лексический запас (“*Wort-*

Schatz”) [Takada 2001: 115], подчеркивая тем самым значимость лексического уровня языка и лексической семантики.

Идеал философского метаязыка определяется знанием значений слов, которые лежат в основе ясности и доступности языка, синтаксические конструкции и звучание носят для него в этом ряду второстепенный характер.

Ясность языка есть доступность и прозрачность значений слова, мерилom которой является разум, а основу хорошего философского языка составляет принцип достоверности (“Prinzip der Gewissheit” [Leibniz 1903: 3]. Истинное содержание предложения познается также при знании значения слова, плодотворный коммуникативный процесс также протекает на основе ясности и прозрачности семантики слов. Лейбниц подчеркивает взаимосвязанности языка и мышления, выступает против диффузности научных терминов, которой можно избежать путем формулирования конкретных научных дефиниций [Leibniz 1890: 185].

С ясностью значения слова связана и специфика словоупотребления, определяемого им как “die Bedeutung des Wortes, die denen, die dieselbe Sprache sprechen, gemeinsam bekannt ist” и основными принципами которого он признает ясность дефиниции значения используемых слов, создание новых слов, или словотворчество, обязательное раскрытие значения новых слов в виде дефиниции [Leibniz 1903: 5, 8].

Определяя функцию родного языка как инструмента трансляции знаний, он признает язык основным средством познания, которое доступно всем, хотя познавательные возможности простого человека и философа отличаются подходами и глубиной проникновения в суть явлений [Ibid.: 11—12].

По мнению Лейбница, для передачи научного содержания и представлений о вещах необходима функционально ориентированная система с когнитивными и коммуникативными свойствами: “...die Aufmerksamkeit der Menschen hat man aber auf einen bestimmten Gegenstand nicht besser lenken können als durch die Zuteilung einer besonderen Bezeichnung, die dem eigenen Gedächtnis bekannt und anderen gegenüber ein Zeichen für die eigene Erkenntnis ist” [Leibniz 1660/1903: 11—13]. Однако он констатирует, что отсутствие достаточного количества философских работ на родном языке (“nicht einmal heutzutage in genügendem Maße damit begonnen, <...> in deutscher Sprache zu philosophieren”) является следствием неприятия в среде немецких ученых своего родного языка в качестве инструмента научной коммуникации.

Уже во вводной статье к работе Ниццолиуса Лейбниц формулирует в целом определенную систему, ориентированную, с одной стороны, на констатацию ситуации с родным языком, с другой — на стратегии реализации немецкого языка и в области науки, что схематически можно изложить следующим образом: обязательны-

ми свойствами научного языка должны быть ясность, истинность и красивые формы выражения, которые обеспечивают ему доступность; значения слов должны закрепляться дефинициями; нужно установить правила словоупотребления; слова из обыденного языка могут и должны употребляться в качестве терминологических номинаций; язык простого человека и философа одинаков, но освещает реальность с различных позиций; необходима целенаправленная работа для того, чтобы немецкий язык стал инструментом научного изложения.

Дальнейшую эволюцию концепции языка у Лейбница мы наблюдаем в его работах “Ermahnung an die Teutschen, Ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben, samt beygefügtten Vorschlag einer teutschgesinntten Gesellschaft” («Поучения немцам, как лучше применять свой разум и свой язык...», написана в 1682/1683, по другим данным, в 1697) (далее «Поучения») и “Unvorgreifliche Gedanken betreffend die Ausübung und Verbesserung der Teutschen Sprache” («Размышления об употреблении и улучшении немецкого языка», написана в 1696/1699) (далее «Размышления»), в которых системно изложены важнейшие культурно-политические инициативы, направленные на расширение и развитие сферы употребления нового немецкого языка эпохи.

О системном подходе к изложению представлений о языке и его функциях свидетельствует последовательность методических шагов при изложении собственного видения родного языка в исследуемую эпоху: описание актуального состояния родного языка (§9—28), формулирование практических рекомендаций по улучшению состояния языка (§29—55), установление языковых идеалов (§56—113) и размышления по поводу основания немецкого языкового ордена и его целей (§114—118).

В «Размышлениях» впервые мы находим известную в исследуемую эпоху зеркальную метафору: “1. Es ist bekandt, daß die Sprachen ein Spiegel des Verstandes, und dass die Völker, wenn sie den Verstand hochschwingen, auch zugleich die Sprachen wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeigen” [Leibniz 1717: 255]. В данном высказывании подчеркивается взаимодействие языка и разума, протекание мыслительных процессов на вербальной основе, тесная связь языка и мышления. Лейбниц связывает когнитивные возможности и функции языка с его общественными и коммуникативными функциями. Он утверждает, что разум (=мышление) продвигается только на основе языка, выступающего в качестве связующего звена между учителем и учеником (“Lehr- und Lernenden”), между обыденной жизнью и мировым обществом (dem “gemeinen Leben” und der “Welt Gesellschaft”). Немецкий язык в этом контексте, как он уже отмечал и в «Поучениях», превращается в существенный связующий элемент между нацией и обществом, соединяя «человеческие души» (“menschliche Gemüther”) [Ibid.: 256]. Важным для на-

ции является не только разум, но и язык как его обратная сторона, определяемый Лейбницем как историко-культурный феномен, играющий важную роль для единения нации: “Das Band der Sprache, der Sitten, auch sogar des gemeinen Namens vereinigt die Menschen auf so eine kräftige, wiewohl unsichtbare Weise und macht gleichsam eine Verwandtschaft” [Leibniz 1983: 47]. В языке особый интерес представляет семиотический аспект его функционирования, составляющий его внутреннюю сторону. Обращаясь к функциональной стороне языка, он пишет: “5. Es ist aber bey dem Gebrauch der Sprache, auch dieses sonderlich zu betrachten, daß die Worte nicht nur der Gedancken, sondern auch der Dinge Zeichen seyn, und daß wir Zeichen nöthig haben, nicht nur unsere Meinung andern anzudeuten, sondern auch unsern Gedancken selbst zu helffen. <...> also thut auch der Verstand mit den Bildnissen der Dinge, zumahl wenn er viel zu denken hat, dass er nehmlich Zeichen dafür brauchet, damit er nöthig habe, die Sache jedesmal so oft sie vorkommt, von neuen zu bedencken. Daher wenn er sie einmal wohl gefasset, begnügt er sich hernach oft, nicht nur in äusserlichen Reden, sondern auch in Gedancken und innerlichen Selbst-Gespräch das Wort an die Stelle der Dinge setzen” [Leibniz 1717: 257]. В приведенном отрывке Лейбниц подчеркивает знаковый характер языка, указывает на функцию слова как языкового знака при формировании мысли и номинации вещей, определяет суть знака как инструмента для вербализации и трансляции мысли другим. Закрепление за языковым знаком конкретного значения обеспечивает не только внешнюю речь, под которой Лейбниц понимает коммуникативный процесс в обществе, но и внутреннюю речь, которая соотносится с вербальным мыслительным процессом. Для Лейбница существуют различного рода знаки, к ним он относит не только слова, но и буквы, химические, астрономические, арифметические, алгебраические обозначения, элементы тайнописи, нотные знаки, китайские иероглифические фигуры и другие обозначения, которыми мы оперируем в процессе мышления, заменяя ими реальные вещи.

Знак для Лейбница в целом представляет собой а) важную составляющую мыслительного процесса; б) инструмент разума: в) вербализует не только сами вещи, но и представления о них, выступая вспомогательным средством для мышления в процессе обозначения явлений (вещей) внешнего мира; г) обладает когнитивной функцией; д) выполняет мнемоническую функцию, облегчая запоминание нужной информации и увеличивая объем памяти на ассоциативной основе; е) выполняет коммуникативную функцию, помогая формулировать собственные мысли и транслировать их другим; ж) имеет арбитрарный характер, т. е. произволен, но эта произвольность устраняется отношениями знаков между собой.

В «Размышлениях», определяя содержание языка, Лейбниц пишет, что «почву и основу языка составляют слова» (“Der Grund und Boden einer Sprache sind die Worte”) [Leibniz 1717: 273]. Он также

дает общую характеристику немецкому языку эпохи, отмечает недостаточность абстрактной и терминологической лексики, указывает на источники обогащения родного языка в русле всестороннего использования внутренних ресурсов родного языка (“Aussuchung guter Wörter”) и необходимость возрождения ценных устаревших слов (“Wiederbringung alter verlegener Worte, so von besonderer Güte”) и создания нового слова или семантической трансформации старого, введения неологизма как крайнего способа и заимствования как способа придания экспрессивности (динамики и силы) немецкому языку в сфере науки [см. подробнее: Аликаев, Сакиева 2011: 221—231].

Идеал языка в представлении Лейбница выражается в триаде “Reichtum (богатство) — Reinigkeit (чистота) — Glanz (блеск)” и дополняется требованиями к его достижению, отраженному в лексемах “verbessern” (улучшать), “reinigen” (очищать), “bereichern” (обогащать), “zuordnen” (систематизировать).

“Reichtum” как одна из составляющих идеала языка выражает как качество самого языка, так и практику его обогащения, являясь «самым первым и самым необходимым в языке» (“das erste und das nöthigste bei einer Sprache”) [Leibniz 1717: 288]. Оно определяется такими признаками, как высокое качество выразительных возможностей лексики, однозначность слов и способы языковой экономии, может оцениваться на основе перевода: “62. Inzwischen ist gleichwohl diejenige Sprache die reichste und bequemste, welche am besten mit wörtlicher Übersetzung zurechtkommen kann <...>” [Ibid.: 289]. При этом богатство языка как идеальный критерий, по мнению Лейбница, создает основу для его чистоты, включающей в себя стилистические параметры слов, корректную грамматику, ситуативно уместное использование высказывания: “80. Die Reinigkeit der Sprache, Rede und Schrift besteht darin dass so wol die Worte und Red-Arten gut Teutsch lauten, als dass die Gramatic oder Sprach-Kunst gebührend beobachtet, mithin auch der Teutsche Priscianus verschonet werde” [Ibid.: 299].

Идея социальной детерминированности лексики языка находит свое выражение в сочетании “plebeja et rustica verba”, лексема “ohnvernehmliche” в отношении слов обозначает сложные для понимания устаревшие и диалектные слова. Что же касается иноязычных слов, то Лейбниц исходит из прагматической целесообразности их использования: в обыденных текстах и речах их следует использовать ограниченно, в текстах, адресованных к ученым, они могут использоваться в широком спектре, т. е. использование указанных лексических единиц определяется коммуникативной целесообразностью. Важным в этом контексте являются рекомендуемые им принципы введения иноязычной лексемы: он рекомендует иноязычное слово давать в сопровождении немецкого эквивалента, что позволит закрепить лексему родного языка со временем в качестве

научного термина. Этот принцип стал в дальнейшем одной из важных стратегий введения латинских терминов в немецких текстах и формирования таким образом терминологической лексики на почве родного языка.

В целом следует отметить, что Лейбниц постулирует вербальность человеческого мышления, язык же выступает при этом инструментом познания. Особое значение для дальнейшего развития теории языка имеет мысль Лейбница о знаковом характере естественных языков, только исследование этих языков может дать нам научные представления о функциональных особенностях знака. При этом Лейбниц признает историческую изменчивость языка, что является существенным постулатом для XVII столетия, не признававшего эволюцию языковой системы. Он создает основу для новой теории языка, в которой обосновывает функциональные особенности языкового знака и роль самого языка в процессе человеческого познания.

В отличие от Лейбница, Томазиус концентрирует свое внимание на практической стороне использования языка. Тема языка в его работах не находит специального рассмотрения, она появляется в связи с проблемами понимания права в буржуазном обществе.

Функцию человеческой речи он формулирует следующим образом: “Es ist ausser Zweifel gesetzt / daß Gott dem Menschen die Rede deshalb gegeben / daß er dadurch sein Gedancken anderen Menschen zu erkennen geben könne / damit auff diese Weise die allgemeine Ruhe und Freundschaft desto besser fortgepflanzet und erhalten werde. Und es ist in Wahrheit ein grosses Elend / wenn Leute zusammen-kommen / die einander nicht verstehen <...>. So ist es auch eine ziemliche Verdrießlichkeit / wenn ein Mensch seine Gedanken dem andern nicht deutlich und artig <...> vorstellen kann” [Thomasius 1691/1994: 372 f.].

По мнению Томазиуса, языковая способность человека обеспечивает прежде всего коммуникацию, которая чрезвычайно важна в аспекте организации общества. А взаимопонимание, достигаемое посредством языка, создает основу для благополучия в обществе (“bürgerliche Glückseligkeit”) [Thomasius 1709: 364]. Рассматривая язык как организующий феномен общества, Томазиус утверждает, что любое нарушение этой социальной функции языка непременно скажется отрицательно на обществе. Далее он делает вывод о том, что если индивид хочет быть полезным обществу, то он морально обязан выражаться ясно, что находит свое отражение в лексемах “deutlich” и “artig”. Однако эти качества языка представляют собой не эстетические принципы, они сформулированы как основополагающие коммуникативные функции языка.

У Томазиуса мы находим особое взаимоотношение понятий “Vernunft” и “Rede”, которые позволяют определить главное в его понимании языка: “Die Vernunft ist niemals ohne Rede. Die Rede ausser der Gesellschaft hat keinen Nutzen, und die Vernunft gibt sich ausser der Gesellschaft nicht hervor” [Ibid.: 364].

Говоря другими словами, Томазиус подчеркивает значимость для общества языка, руководимого законами разума, вне общества не существует язык. По мнению Томазиуса, общество живет в коммуникации, инициированной и управляемой разумом, которая представляет собой средство социальной интеграции, являясь частью общественной этики.

Идеалы языка у Томазиуса, так же как у Лейбница, сформулированы в виде триады: “<...> es dünckt mich / daß die menschliche Rede mit drey hauptsächlichen Vortrefflichkeiten begabt sey/ mit der Deutlichkeit / mit der Artigkeit / und mit denen Zierathen der Redner-Kunst” [Thomasius 1691/1994: 374].

Идеальный признак языка “Deutlichkeit”, соотносимый с понятиями ясности и четкости мысли, определяется Томазиусом следующим образом: “Die Deutlichkeit besteht darinnen / daß ein Mensch dem andere seine Gedanken durch solche Worte vorstellt / die bei ihm auch den allergeringsten Theil derselben Gedanken nicht verhehlen / sondern ihme dieselbige mit allem ihme zu wissenden nöthigen Umständen ausdrücken / daß würcklich bey dem andern / mit dem man redet / dadurch ein gleichmäßiger Gedancke erwecket wird / der mit des ersten seinen recht genau überein kömmt / und so zu reden weder grösser noch kleiner ist” [Ibid.: 373 f.]. Говоря другими словами, под идеалом языка “Deutlichkeit” (ясность, четкость, внятность) Томазиус понимает идеальную коммуникативную модель, ориентированную на необходимость выражения собственной мысли в ясной языковой и содержательной форме, т. е. адресат должен получить мысль без семантических потерь как полноценную исходную информацию. Посредством ясности процесса и элементов коммуникации, по мнению Томазиуса, достигается идеальная форма общества, определяемая им как „die menschliche Einigkeit“ [Ibid.: 374].

Составляющим “Deutlichkeit” элементом является “genus subtile” [Thomsius 1710: 328], или простой стиль, т. е. формулируемая языковыми средствами мысль должна позволить реципиенту адекватно декодировать чужую информацию, что означает выбор подходящей техники сообщений или передачи научных содержаний [Thomasius 1688/1994: 212].

Важным является также примечание Томазиуса, что “Deutlichkeit” (“perspicuitas”) входит в простой стиль изложения как стилевой признак, вторым стилевым признаком является языковая правильность (“latinitas”).

Второй идеал языка Томазиус выражает лексемой „Artigkeit“, под которой он понимает: “Durch die Artigkeit / verstehe ich nicht den Zierath und Ausputz einer Rede / sondern vielmehr eine natürliche Reinigkeit und Sauberkeit desselben <...>” [Thomasius 1691/1994: 374]. Данный идеал языка у Томазиуса совпадает по своему содержанию с лейбницевским понятием “Reinigkeit”. Последнее возникает у Томазиуса в контексте объяснения содержания понятия “Artigkeit”, кото-

рое включает не только грамматическую корректность выражения, правильное синтаксическое построение мысли и подбор необходимых слов (“Ordnung derer Worte”, “artige Verknüpfung derer PERIODORUM”) [Thomasius 1691/1994: 374], но и ситуативную уместность высказывания.

Третьему идеалу языка, связанному с красотой речи, Томазиус дает следующее определение: “Endlich was die Zierathen der Redner = Kunst betrifft / so verstehe ich dadurch den sonderlichen Auffputz und Aufschmuckung einer Rede durch verblümete Redens-Arten / Gleichnüsse-Exempel<...>” [Ibid.: 375 f.].

Следует отметить, что в рассуждениях Томазиуса об идеале языка заметно влияние риторики эллинистического периода, где хорошими качествами языкового выражения считались “perspicuitas” (Deutlichkeit — ‘ясность, доступность’), “latinitas” (Richtigkeit — ‘правильность’), “ornatus” (Schmuck — ‘украшение’) и aptum (Angemessenheit — ‘уместность’). Но на первом месте у Томазиуса, как и у Лейбница, стоят доступность и ситуативная уместность высказывания или оформления мысли.

Единственный раз Томазиус предпринимает попытку сформулировать статус и назначение языка и взаимосвязь языка и его носителя: “Der Mensch ist nicht auf der Welt der Sprachen halber / und die Sprachen machen für sich keinen gelehrten Mann / sondern die Sprachen sind erfunden / daß sie den Menschen dadurch ihre Gedanken ein ander eröffnen sollen...” [Thomasius 1688/1994: 639 f.], т. е. для него на первом месте в языке стоит его коммуникативная функция, и он призван удовлетворять коммуникативные потребности общества, передавая и распространяя знания для его блага. Его заботы о языке направлены не на изложение теоретических проблем и патриотических мыслей, как у Лейбница, а на пропаганду пригодности родного языка для оформления значимых для общества тем, для коммуникации вне зависимости от сословной принадлежности.

Если для Томазиуса важным является коммуникативная функция языка, поддерживающая благополучие в обществе, то для Христиана Вольфа язык интересен с позиций математико-дедуктивного метода, основанного на философии рационализма. В рамках данного направления Вольф развивает теорию знака и описывает роль языка в процессе познания. Отправной точкой при этом выступает, как и у Лейбница, представление о неразрывной связи языка и познания. Этот теоретический посыл, ориентированный на анализ и описание когнитивного потенциала языка и языкового знака, дополненный его теорией знака, находит свое конкретное отражение в практической работе по созданию немецкой научной терминологии.

Не затрагивая конкретные проблемы, связанные с вольфианским понятием науки и его конкретным вкладом в формирование немецкой научной терминологии, перейдем к интересующей нас в рамках данной статьи концепции языка у Вольфа.

Рациональный математический метод доказательства является у Вольфа центральным научным методом описания фактов языка. Основываясь на данном методе, он создает собственную теорию знака.

Для начала Вольф декларирует однозначность каждого слова, т. е. за каждым словом стоит только одно понятие, при этом термин «понятие» выступает в качестве главной единицы для раскрытия содержания языкового знака. Для Вольфа слово и понятие, как в последующем и для Ф. де Соссюра, неразрывно связаны между собой. Слова выступают у него как произвольные знаки, которые он дифференцирует от естественных знаков: “Ein Zeichen ist ein Ding, daraus ich entweder die Gegenwart, oder Ankunft eines anderen Dinges erkennen kann, das ist, daraus ich erkenne, daß entweder würcklich an einem Orte vorhanden ist, oder daselbst gewesen, oder auch etwas daselbst entstehen werde. Z. E. Wo Rauch aufsteigt, da ist Feuer” [Wolff 1751/1983: 160].

Вольф выделяет три класса естественных знаков на основе категории времени: “signum demonstrativum” (Gegenwart: Rauch-Feuer), “signum rememorativum” (Vergangenheit: nasser Boden-Regen) и “signum prognosticum” (Zukunft: Wolken-Regen) [Nöth 2000: 17]. Естественным знакам Вольф противопоставляет произвольные знаки, которые образуются, когда сводят вместе два объекта (“zwei Dinge”) (один из которых используется для обозначения другого), которые иначе сами по себе никогда не встретились бы (“die sonst für sich nicht würden zusammenkommen”) [Ibid.:161]. Именно эти два объекта являются элементами языкового знака: “Die Wörter gehören unter die willkührliche Zeichen <...> den daß ein Wort und ein Begriff mit einander zugleich zugegen sind, oder eines von beyden auf das andere erfolget, beruhet auf unserer Willkühr” [Ibid.]. Свою мысль о произвольности языкового знака он аргументирует на примере того, что одна и та же вещь в разных языках по-разному обозначается. Наличие определенного значения у каждого слова является, по мнению Вольфа, следствием познавательной функции слов: “Grund für eine besondere Art der Erkänntnis <...> , welche wir die figürliche nennen. Denn wir stellen uns die Sachen entweder selbst, oder durch Wörter, oder andere Zeichen vor” [Ibid.: 173].

По мнению Вольфа, язык не может сложением своих элементов, к которым он относит буквы и слова, отразить или передать вещь 1:1, ибо слово не есть сразу же вещь, т. к., например, слово «истина» (Wahrheit) ничего не говорит об истине [Ibid.: 179].

Вольф затрагивает также проблему языковой компетенции, которая прежде всего заключается в знании значений слова: “Die Scharfsinnigkeit erfordert in der figürlichen Erkänntniß, daß man alles erklären kann. Da nun in Erklärungen kein Wort in einem uneigentlichen Verstande darf genommen werden, es sey denn daß derselbe vorher erkläret worden; so ist nöthig, daß man auch so wohl die eigentliche Bedeutung der Wörter lerne und also der Sprache wohl mächtig werde” [Wolff 1729/1976: 177].

Представление Вольфа о знаке и его функциональных особенностях служит для него основой при разработке норм языка научного изложения: “Im gemeinen Gebrauch der Wörter pfleget man nicht ihre Bedeutung jederzeit so einzuschränken, daß man nicht unterweilen darinnen etwas ändern sollte. Und daher entsteht eine Unbeständigkeit im Reden, wodurch die meisten auf die Gedancken gerathen, als wenn ein Wort vielerley Bedeutungen hätte, und hingegen wiederum vielen einerley Bedeutung zukäme. Hieraus entspringt vieler Miß-Verstand in dem, was andere sagen, und man saget öfters selbst nicht eigentlich dasjenige, was man sagen will, so daß es schwer, ja unterweilen gar unmöglich fället, des anderen Sinn zu errathen, wo nicht die Sachen zugegen sind oder dieselben vor Augen hat, von denen man redet” [Wolff 1755/1983: 104].

Как видно из цитированного отрывка, Вольф говорит об отсутствии единства в употреблении значения слов и о распространенности полисемии и омонимии в обиходно-разговорном языке, что самими носителями языка не ощущается. Он также различает такие варианты языка, как обиходно-разговорный и язык науки [Wolff 1733/1973: 38].

Проблема когнитивного потенциала языкового знака появляется у него во второй главе его «Немецкой логики», где он в первом параграфе начинает с дефиниции понятия «слово». Слова, по мнению Вольфа, являются нечем иным, как знаками наших мыслей (“nichts anders, als Zeichen unserer Gedancken, daraus nemlich ein anderer dieselbe erkennen kann”). Тут же он утверждает, что слова служат для процесса коммуникации, а сама идеальная коммуникативная ситуация излагается им во втором параграфе данной главы: компетенция слушателя заключается в том, чтобы суметь связать каждое слово с конкретным представлением, а компетенция говорящего видится ему в том, чтобы каждым использованным словом вызывать в своем коммуникативном партнере адекватные представления. Он возлагает также на говорящего обязанность проверять себя при каждом употреблении слова на предмет корректной реализации его значения (“selbst fragen, was er für einen Begriff damit [mit dem Wort] verknüpfe”) [Wolff 1712/1978: 152].

Вольф углубленно занимается проблемой расхождения между его идеальным представлением языка и реалиями практического языка, делая при этом два важных вывода о когнитивном потенциале слов в процессе языковой коммуникации: в языке есть слова, не соотносящиеся с понятиями, и слова, значения которых не все знают. Но эти слова все же можно понять, хотя они не имеют предметного содержания: “Im Reden denckt man nicht stets an die Bedeutungen der Wörter” [Ibid.]. По мнению Вольфа, в процессе общения коммуниканты могут говорить о предмете, не имея его под рукой и не представляя его. Так возникает «пустой звук» (“leerer Ton”), слово, имеющее звуковое оформление, но без содержания, без понятия [Ibid.:152]: “<...> dass man miteinander reden, und einander verstehen, doch keiner einen

Begriff von dem haben kann, was er redet oder höret, in dem von lauter nichts geredet wird <...>” [Wolff 1712/1978: 153]. Вольф высказывает свое скептическое отношение к когнитивным возможностям слова, утверждая, что слово как языковой знак не всегда может адекватно и полно отразить само понятие, выражаемое им.

Другое интересное наблюдение Вольфа заключается в том, что он говорит о функционировании в обществе социально и профессионально детерминированных форм существования языка, что и определяет языковую компетенцию носителя языка. Так, например, неспециалист не может понять терминологию права и язык охоты [Ibid.: 154]. В этом аспекте он формулирует мысль о первичной языковой компетенции, которая заключается в умении с помощью слов создавать понятия для познания самого предмета. Переходя к практическим рекомендациям по правилам языкового общения, он говорит о необходимости договариваться о значениях слов, что особенно важно в научной сфере для выражения и передачи научных понятий. В этой связи появляется у него идеал доступности и ясности (“Deutlichkeit”), которому противопоставляется как качество языка понятливость (“Verständlichkeit”). Содержание понятия “Deutlichkeit” формулируется следующим образом: “...so dienen die Wörter und Zeichen zur Deutlichkeit, indem wir durch sie unterscheiden, was wir verschiedenes in denen Dingen und unter ihnen antreffen. Weil nun aber hierdurch die Aenlichkeit erhellet, die zwischen verschiedenen einzelnen Dingen anzutreffen...; Und wird demnach die allgemeine Erkenntnis durch die Wörter deutlich” [Wolff 1751/1983: 177 f.]. Таким образом, понятие ясности (“Deutlichkeit”) становится идеалом языка и процесса познания, этому должно содействовать и константное отношение между словом и понятием.

Идеал ясности языковых единиц находит свое отражение у него в принципах создания научной терминологии, в частности во введении новых терминологических единиц с точно описанными семантическими параметрами, зафиксированными в научных дефинициях, в разграничении одной и той же лексической единицы как единицы обиходно-разговорного языка и научного изложения, где слово получает семантически ясные и четко очерченные контуры [Wolff 1733/1973: 31].

В целом Вольф формулирует идеальное представление о семантике языкового выражения, презентуемое им понятием “Deutlichkeit”, применительно к практическому функционированию языка и делает различия между обиходно-разговорным языком и языком научного изложения.

В заключение отметим, что представители раннего немецкого Просвещения, рассматривая лингвофилософские вопросы языка, ставят проблемы соотношения языка и познания, высказывают мысль о знаковом характере слова как единицы языка, указывают на вербальный характер человеческого мышления, затрагивают во-

просы когнитивного и коммуникативного потенциала языка и его общественной значимости, оформляют идеал языка своего времени, выделяют в рамках национального языка, кроме диалекта, еще и общественно и профессионально детерминированные формы существования языка. Заложенные в этот период идеи о сущности языка и его функциях, о взаимоотношении языка и мышления, о специфике процесса познания на основе языка как инструмента получения и обработки информации оказались плодотворными для последующих поколений не только немецких философов и филологов, но и в целом для западноевропейской научной школы.

Литература

- Аликаев, Сакиева 2011 — *Аликаев П. С., Сакиева П. С.* Особенности эволюции немецкого языка научного изложения в XVII — первой половине XVIII в. // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. VIII. М., 2011.*
- Dünninger 1957 — *Dünninger J.* Geschichte der deutschen Philologie // *Deutsche Philologie im Aufriss. 2. Aufl., Bd. 1. Lieferungen 1—2. S. 83—222. Berlin, 1957.*
- Leibniz 1660/1903 — *Leibniz G. W.* Aus der Vorrede zum Marius Nizolius // *Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie / Übers. von A. Buchenau, durchges. u. mit Einleitung und Erläuterungen; hg. v. Ernst Cassirer. Bd. I. Leipzig, 1660/1903.*
- Leibniz 1717 — *Leibniz G. W.* Unvorgreifliche gedancken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache // *Illustris viri Godofr. Guilielmi Leibnitii Collectanea etymologica illustrationi linguarum veteris celticae, germanicae, gallicae, aliarumque inservientia. Cum praefatione Jo. Georgii Eccardi. Contenta sequens pagina indicat. Pars I, VI. Hannoverae, 1717.*
- Leibniz 1890 — *Leibniz G. W.* Die philosophischen Schriften / Hg. v. Carl Immanuel Gerhardt. Bd. 7. Berlin, 1890.
- Leibniz 1983 — *Leibniz G. W.* Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und Sprache besser zu üben <...> // *Unvorgreifliche Gedanken betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache: Zwei Aufsätze / Hg. v. Uwe Pörksen. Kommentiert von Uwe Pörksen und Jürgen Schiewe. Stuttgart, 1983.*
- Nöth 2000 — *Nöth W.* Handbuch der Semiotik. Stuttgart; Weimar, 2000.
- Takada 2001 — *Takada H.* Kritische Bemerkungen zu Leibniz' Sprachkritik. Was leistet Leibniz "betreffend die Ausübung und Verbesserung "der deutschen Sprache?" // *Burkhardt A., Cherubim D.* Sprache im Leben der Zeit. Beiträge zur Theorie, Analyse und Kritik der deutschen Sprache in Vergangenheit und Gegenwart. Helmut Henne zum 65. Geburtstag; Tübingen, 2001.

Thomasius 1688/1994 — *Thomsius Chr.* Christian Thomsius / eröffnet / Der / Studierenden Jugend / Zu Leipzig // Einem DISCOURS / Von den Mängeln derer heutigen ACADEMIEN, absonderlich aber der JURISPRUDENZ / zwei Collegia / ein Disputatorium über seine Prudentiam ratiocinandi und ein Lectorum nach einer sonderbahren methode über die Institutiones Justinianae // Kleine Teutsche Schriften / Hg. v. Werner Schneiders. Halle, 1688/1994.

Thomasius 1691/1994 — *Thomasius Chr.* Gemischter DISCURS bei INTIMIRUNG 5. neuer Collegior // Kleine Teutsche Schriften (Originalausgabe von 1691). Hrsg. von Werner Schneiders. Hildesheim; Zürich; New York, 1994 (Ausgewählte Werke, 22).

Thomasius 1709 — *Thomasius Chr.* Drey Bücher der göttlichen Rechtsgelahrtheit // Welchem die Grundsätze des natürl. Rechts nach denen von dem Freyherrn von Puffendorff gezeigten Lehrsätzen deutlich bewiesen / weiter ausgearbeitet / Und von den Entwürfen der Gegner desselben / Sonderlich Herr D. Valentin Alberti befreyet / auch zugleich die Grundsätze der Göttlichen allgemein geoffenbarten Gesetze gezeigt werden, in das Teutsche übersetzt, mit einer Vorrede Ephraim Gerhards Von denen Hindernüssen der natürlichen Rechtsgelahrtheit / und dem Nutzen dieser Untersuchung. Halle, 1709.

Wolff 1712/1978 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauch in Erkenntnis der Wahrheit. См. раздел: Vom Gebrauch der Wörter 151—156. Halle; Frankfurt a. M. (GW I. Bd. 1), 1712/1978.

Wolff 1729/1976 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit. Halle; Frankfurt a. Main (GW I. Bd. 4), 1729/1976.

Wolff 1733/1973 — *Wolff Chr.* Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache heraus gegeben, см. раздел: Von der Schreib-Art des Autoris 23—52; Wie des Autoris Schriften müssen gelesen werden, 150—178. Halle; Frankfurt a. M., 1733/1973.

Wolff 1751/1983 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt. 11. Aufl., Halle; Frankfurt a. M. (GW I. Bd. 15, 1), 1751/1983.

Wolff 1983 — *Wolff Chr.* Von der Verbesserung der Wörter = Bücher, in Des weyland Reichs-Freyherrn von Wolff übrige theils noch gefundene kleine Schriften. Halle; Frankfurt a. M. (GW I. Bd. 22), 1755/1983.

ZUSAMMENFASSUNG

Sprachphilosophische Ansätze in der deutschen Frühaufklärung

Im Aufsatz wird ein Vergleich der sprachphilosophischen Konzeptionen in der deutschen Frühaufklärung am Beispiel der Werke von

G. W. Leibniz, Chr. Thomasius und Chr. Wolff dargestellt. Im Vordergrund der Beschreibung und Analyse stehen folgende Fragen: das Wesen der Sprache als Mittel der Erkenntnis und der gesellschaftlichen Kommunikation, das Wort als natürliches Zeichen und seine Funktion in der Wiedergabe eines Begriffes, das Wort und seine Beziehung zum Denken, der kognitive und gesellschaftliche Wert der Sprache, das Sprachideal und seine Bestandteile, aktuelle Existenzformen der Sprache und ihre unterschiedliche Beschaffenheit und Funktion in der Kommunikation; d.h. all die Fragen, die von den obengenannten Frühaufklärern in ihren Werken besprochen wurden.